

„Вздрагиваніе“ людей при дѣйствіи артилерійскаго огня.

(Военно-психологическіе этюды).

ь основаніе настоящей статьи, по примѣру прежнихъ моихъ работъ, положены наблюденія и рассказы участниковъ Русско-японской войны.

Въ нихъ, съ одной стороны, подтверждается фактъ наличія вздрагиванія людей при дѣйствіи артилерійскаго огня, съ другой стороны, рисуется картина тѣхъ проявленій природы чело-вѣка, которыя мы объединяемъ подъ общимъ именемъ «вздраги-ваній».

Содержаніе ниже приведенныхъ наблюденій и рассказовъ ука-зываетъ, что, подъ именемъ «вздрагиваній», мы касаемся тѣхъ явленій психики чело-вѣка, которыя обычно относятъ къ чувству страха.

Психологическая литература о чувствѣ страха очень широка—приводить ее, даже въ смыслѣ указанія на труды, взяло бы много времени. Но, несмотря на большое количество трудовъ по этому вопросу, вопросъ о чувствѣ страха все еще разработанъ недостаточно и страдаетъ, какъ особенно большимъ дефектомъ, недостаточной разработкой объектныхъ проявленій, входящихъ въ понятие страха.

Коснемся «вздрагиваній».

Вздрагиваніе и испугъ для многихъ являются почти что синонимами передающими одно и тоже душевное состояніе—вздрагиваніе есть внѣшнее физическое выраженіе психическаго состоянія, называемаго испугомъ.

А испугъ и страхъ, обычно, настолько сближаются между собою, что даже Дарвинъ ¹⁾ испугъ и страхъ описывалъ подъ общимъ именемъ страха.

Однако, за послѣднее время ученые психологи, явленія, относящіяся прежде къ общему понятію страха, начали подраздѣлять на группы и въ явленіяхъ страха стали отличать по крайней мѣрѣ три рода явленій: 1) вздрагиваніе, 2) испугъ и 3) страхъ.

Наиболѣе полное и современное изложеніе данныхъ по этому вопросу находимъ въ ученомъ трудѣ д-ра В. В. Срезневскаго ²⁾: «Испугъ» и его вліяніе...

«Несмотря на то, что слово испугъ довольно часто встрѣчается въ спеціальной литературѣ», говоритъ авторъ труда, до сихъ поръ понятіе испуга оказывается недостаточно опредѣленнымъ.

Поэтому, мы считаемъ необходимымъ установить точку зрѣнія на испугъ:

Когда какое нибудь *рѣзкое раздраженіе* (въ нашихъ случаяхъ артилерійскій огонь) неожиданно *поражаетъ* нашъ *слухъ* (выстрѣлы, полетъ, разрывы снарядовъ), *зрѣніе* (видъ разрывовъ, видъ раненій отъ разрывовъ) или *осязаніе* (сотрясеніе воздуха при стрѣльбѣ и разрывахъ снарядовъ) является обыкновенно *общее вздрагиваніе тѣла*. Часто при этомъ (вздрагиваніи) мы испытываемъ особое чувство, которое называемъ *испугомъ*.

Однако *одно вздрагиваніе тѣла* не составляетъ еще испуга. Въ немъ (въ испугѣ) есть своеобразное психическое содержаніе, которое при возстановленіи его въ памяти всегда примыкаетъ къ бо-

¹⁾ Дарвинъ. «О выраженіи ощущеній»; ред. Ковалевскаго, 1896 г.

²⁾ Д-ръ В. В. Срезневскій. «Испугъ и его вліяніе на нѣкоторые физическіе и психическіе процессы». Диссертація. 1906 г.

лѣе или менѣе ясно очерченному *представленію* какой-то грозящей намъ *опасности*, или непріятности. Это часто неопредѣленное представленіе, о которомъ мы можемъ сказать только одно, что оно страшно...

Обыкновенно, испугъ длится одно мгновеніе. Если неясное представленіе о чемъ-то угрожающемъ при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ объектомъ (предметомъ опасности) подтверждается, мы убѣждаемся, что намъ дѣйствительно (или намъ кажется, что дѣйствительно) грозитъ что нибудь непріятное, испугъ переходитъ въ *страхъ*, который уже со временъ Аристотеля былъ опредѣленъ, какъ непріятное чувство ожиданія опасности.

Какъ типичный образецъ испуга, авторъ приводитъ наблюденіе извѣстнаго психолога Лосскаго надъ самимъ собой, состоящее въ слѣдующемъ.

Въ теченіи одной зимы, говоритъ онъ, въ его комнатѣ часто трескался паркетъ и каждый разъ трескъ вызывалъ въ немъ вздрагиваніе... и (скоропроходящее) психическое состояніе..., какъ представленіе объ опасности,—это типичный образецъ эмоціи испуга.

Со вздрагиваніемъ, слѣдовательно, здѣсь было отмѣчаемо психическое состояніе какъ представленіе о чемъ-то опасномъ, хотя представленіе и неясное. И найдя причину (что это трескъ паркета, не угрожающій жизни), наблюдатель успокаивается—это будетъ испугъ. Но если со вздрагиваніемъ въ нашей психикѣ появляется представленіе объ опасности и если это представленіе опасности не проходитъ, а какъ бы фиксируется и въ то же время признается угрожающимъ—будетъ страхъ.

Для нашихъ цѣлей является цѣннымъ научное признаніе необходимости подраздѣленія вздрагиваній: 1) *простое вздрагиваніе* (безъ испуга), 2) *вздрагиваніе, испугъ* и 3) *вздрагиваніе, страхъ*.

Наши наблюденія и рассказы подтверждаютъ необходимость подобнаго подраздѣленія и рисуютъ въ своемъ содержаніи всѣ приведенные три вида: частое [вздрагиваніе, какъ фізіологическую реакцію на раздраженіе, вздрагиваніе—испугъ, особенно часто наблюдаемое въ первыхъ бояхъ и вздрагиваніе страхъ, хотя и болѣе рѣдкое, но встрѣчающееся явленіе.

Вздрагиваніе въ началѣ, въ *серединѣ* и въ *концѣ* войны. Разсказъ офицера.

По приѣздѣ изъ Россіи, когда я былъ съ полнымъ запасомъ силъ, говоритъ участникъ боевъ, каждый звукъ артилеріи заставлялъ меня *невольнo вздронуть*, какъ это бываетъ обычно при вся-

кой неожиданности. Въ послѣдующіе бои я какъ будто привыкъ и не вздрагивалъ. Въ концѣ же войны, послѣ перенесенныхъ томительныхъ ожиданій, особенно при стояніи на мѣстѣ въ ожиданіи сраженій, нервы настолько были напряжены, что неожиданный звукъ не только артилеріи, но и просто звукъ ружья своего же солдата, вызывалъ *сильное вздрагиваніе* всѣмъ тѣломъ *съ томительно-неприятнымъ состояніемъ на сердцѣ*. Тутъ не одно вздрагиваніе, а какое-то *невольное отбрасываніе* въ сторону противоположную отъ стороны звука.

Въ этомъ состояніи постоянная канонада переносится легче. Самое тягостное состояніе при рѣдкой не ритмичной канонадѣ, а особенно къ вечеру, когда *канонада затихнетъ*. Здѣсь *переживается какое-то болѣзненно-нервное томленіе* съ острымъ напряженнымъ ожиданіемъ, что вотъ-вотъ опять прозвучитъ снарядъ.

Впечатлительный и спокойный.

Я, можно сказать, не боюсь артилерійскаго огня, говоритъ офицеръ-участникъ многихъ сраженій. Звукъ выстрѣловъ и разрывы снарядовъ не производятъ на меня такого дѣйствія какъ на другихъ, впечатлительныхъ. *Люди впечатлительные* при всякомъ звукѣ *вздрагиваютъ* и продѣлываютъ невольныя движенія: *кивокъ головы, поклонъ, присѣданіе, закрываніе глазъ рукой*, иногда *руки съ растопыренными пальцами* бываютъ *обращены въ сторону пролетающаго снаряда*, и иногда *рѣзкій отклонъ головы въ обратную отъ звука сторону*. Въ первомъ бою *я тоже вздрагивалъ*, хотя не такъ рѣзко, какъ другіе. При взрывѣ снаряда вблизи невольно *закрылъ лицо руками*. Но это было лишь въ первый бой. Потомъ я былъ *почти совершенно спокоенъ*.

На меня дѣйствовали хуже звуки своей артилеріи или неприятельской, но работающей *сзади*. Тутъ *я вздрагивалъ и чего-то боялся*. Когда спереди—не боялся. Одно странное явленіе я наблюдалъ у себя, а именно: когда я нахожусь вдалекѣ отъ неприятеля и его снаряды еще не долетаютъ до меня, но звуки выстрѣловъ и разрыва снарядовъ доносятся до меня, я въ это время *зѣваю* и мнѣ *хочется спать*. Несмотря на усилія бороться съ этимъ, меня клонитъ ко сну и мнѣ страшно хочется спать. Если прилягу, сплю; сплю крѣпко. Но, какъ только я вступаю въ сферу огня, я тотчасъ встаю; сна какъ не было. Чувствую себя бодрымъ и спокойнымъ.

Вздрагивающій, но храбрый.

Капитанъ одной роты, человѣкъ несомнѣнно храбрый, по общему признанію всѣхъ его сослуживцевъ ³⁾, не могъ выносить спокойно ни одного выстрѣла, ни одного разрыва снаряда. *При всякомъ звукѣ онъ вздрагивалъ*, кивалъ головой, махалъ руками. Тѣмъ не менѣе онъ дѣйствительно былъ храбрый, всегда при всякой опасности онъ шелъ впередъ и оставался тамъ, гдѣ другіе не выносили. Бывало солдаты лежать (на землѣ), а онъ одинъ, не желая ложиться, стоять, и только, при всякомъ звукѣ *вздрагивая*, машетъ головой и руками... Дѣйствительно, онъ былъ храбрымъ, всюду шелъ впередъ охотно. Солдаты знали его особенность, не считали его за это трусливымъ, шли за нимъ увѣренно; любили его.

Бои на меня не вліяли, говорилъ офицеръ, по виду здоровый и въ бояхъ выдержанно-спокойный, проведеншій въ передовыхъ линіяхъ около года. Я былъ къ артилерійскому огню совершенно равнодушенъ, *летающіе снаряды въ началѣ войны заставляли вздрагивать*, невольно *кивать головой, защищаться руками, пристыдаться и придавливаться къ землѣ*. Но, послѣ перваго боя, я не сталъ обращать никакого вниманія ни на свистъ пуль, ни на трескъ снарядовъ. Я былъ спокоенъ и не вздрагивалъ.

Однако, *полоуда* бивачной жизни съ недосыпаніемъ, холодомъ и недоѣданіемъ меня расшатали. Офицеры стали раздражительны и капризны. Я также сталъ отъ пустяковъ раздражаться и злиться. То же и между солдатами: злятся, ругаются и чуть-чуть не дерутся изъ-за глупостей.

И вотъ въ это время, говорили мнѣ солдаты, я *сталъ снова кивать головой, пристыдаться и «отмахиваться»* отъ снарядовъ, какъ говорили солдаты.

Отъ своихъ орудій...

Я, человѣкъ крѣпкій и выдержанный, говорилъ офицеръ, но при артилерійской стрѣльбѣ *невольно* приходится *вздрагивать*.

На меня болѣе сильное дѣйствіе производитъ выстрѣлъ своихъ орудій, особенно во время неожиданныхъ выстрѣловъ сзади.

Тогда *невольно вздрогнешь* всѣмъ тѣломъ, кивнешь головой и присядешь...

³⁾ Описанный мною въ этюдѣ: «Герой рѣшимости». «Военный Сборникъ» 1911 года.

Бхаль развлечься.

Офицеръ, саперъ, прїѣхаль изъ Россїи на театръ военныхъ дѣйствїй по собственному желанїю. Онъ давно тяготился жизнью, отсутствїемъ интереса къ жизни и вотъ, чтобы развлечься, онъ поѣхаль на войну.

Прибывъ на театръ военныхъ дѣйствїй онъ вскорѣ попалъ въ бой. Правда, въ бою съ оружіемъ въ рукахъ онъ не былъ, но все же обозъ, гдѣ онъ находился, подвергся сильному обстрѣлу.

Всякій разъ, какъ только разрывался снарядъ или звучала наша пушка (русская артилерїя была ближе) меня *всего передергивало*, говорилъ онъ. Какъ и что передергивало онъ объяснить не могъ, но образно описываль, что это общее душевное состояніе такое, какое мы испытываемъ при неожиданномъ раздавливанїи ногой лягушки или при попаданїи подъ ногу чего либо скользкаго.

Чѣмъ рѣже выстрѣлы—сильнѣе дѣйствїе. Если звуки часты, начальныя сильныя *вздериванїя* *всѣмъ тѣломъ* становятся меньше и, кажется, подъ конецъ перестаютъ наблюдаться, но наступаетъ вмѣсто ажитаціи состояніе апатїи. Я *отъ частыхъ вздериванїй дѣлаюсь апатичнымъ* и равнодушнымъ ко всему окружающему. Тогда меня уже не интересуетъ, что со мной и что творится около и вблизи меня. Вопросы жизни и смерти въ ту пору, какъ бы меня не касаются. Я смолкъ въ это время и не обращаль вниманїя на окружающихъ. Казалось, что я о чемъ-то глубоко думаль. На самомъ же дѣлѣ у меня въ головѣ не было ни одной яркой мысли, кромѣ непрїятнаго на душѣ состоянїя съ безразличнымъ отношенїемъ ко всему окружающему.

Сочетанїе впечатлнїй звуковыхъ и зрительныхъ.

Я первый разъ былъ на войнѣ. Слышаль и видѣль разрывы снарядовъ и видѣль, какъ снарядомъ разорвало человѣка. Съ этихъ поръ я не могу переносить звука снарядовъ. Я *невольнo со звукомъ и разрывомъ снарядовъ представляю* предъ глазами: *раны, кровотеченїя, разбитыя головы, вываливающїяся кишки* и т. п. Я не могу представить эту картину *безъ страха* и внутренняго отвращенїя. Одно воспоминанїе дѣйствуетъ на меня, вызывая на душѣ крайне непрїятное настроенїе.

Струсилъ.

Командиръ NN полка семь разъ участвовалъ въ бояхъ и всегда былъ выдержаннымъ и храбрымъ начальникомъ. Въ восьмомъ бою случилось неожиданное для многихъ. Когда полетѣли артилерійскіе снаряды, полковникъ *заволновался, засуетился* и сталъ *кричать: ройте, ройте скорѣе...* (яму). При этомъ *суетливо и злобно махалъ руками: дико водилъ глазами* по сторонамъ; топалъ ногами и продолжалъ нетерпѣливо кричать: «ройте, ройте скорѣе...» Для всѣхъ было ясно, что командиръ струсилъ.

Дѣтъ смерти.

NN полкъ стоялъ подѣ Ляояномъ внѣ выстрѣловъ, ожидая приказа о выступленіи.

Вдругъ неожиданно съ пронзительнымъ воемъ полетѣли шимозы и, давая перелетъ, рвались за полкомъ съ рѣзкимъ оглушительнымъ звукомъ.

Два офицера въ чинѣ капитана упали замертво. Каждому изъ нихъ было лѣтъ около 40.

Оба были до сего времени здоровы.

Обморокъ.

Крѣпкій и цвѣтушій солдатикъ разсказалъ про себя слѣдующій случай:

Пріѣхалъ на войну изъ-запаса и какъ бывшій нестроевой (вслѣдствіе паршей) опредѣленъ былъ въ обозъ. Подѣ Ляояномъ, невдалекѣ отъ обоза, неожиданно появились японцы. Приказано было возможно скорѣе быть готовымъ и отступать. Запрягли. Сѣли—кто на лошадь, кто въ телѣгу. Я сидѣлъ на лошади и погонялъ ее усердно, все время находясь въ ожиданіи скорого появленія японцевъ,

Лишь только успѣли мы отѣхать небольшое пространство, надъ моей головой прошипѣлъ снарядъ и невдалекѣ за обозомъ разорвался.

Какъ только снарядъ пролетѣлъ и разорвался, я *поблѣднѣлъ и упалъ* съ лошади (такъ говорили сосѣди—самъ не помню). Очнулся я, когда меня растолкали товарищи съ вопросомъ: «что ты тутъ лежишь». Очнулся обалдѣлымъ, не понимая кто и что кругомъ. *Сердце усиленно билось*; руки и ноги дрожали. Хотѣлъ идти, но ноги тряслись и не слушались.

Лошадь моя была саженой на 50 впередь.

Товарищи подсобили догнать ее и догнавъ посадили меня на лошадь. Сердце мое все еще усиленно билось и руки дрожали, но я уже могъ сидѣть и могъ править...

Ротные фельдшера, находящіеся въ бою при своихъ ротахъ удостовѣрили, что какъ только полетятъ снаряды, бываютъ случаи: то, вдругъ солдатъ рѣзко *поблѣднѣетъ* и жалуясь на потемнѣніе въ глазахъ—*садится*; то бываетъ упадетъ въ обморокъ, самъ *блѣдный лежитъ неподвижно*, пульсъ до 140. Приходится давать ему нюхать нашатырнаго спирта. Очнется и передаетъ, что онъ все кругомъ слышалъ, понималъ окружающее, но *силъ встать не имѣлъ*.

Очень рѣдкіе случаи, но бываютъ, особенно при первыхъ полетахъ снарядовъ,—лицо поблѣднѣетъ, отъ слабости человѣкъ едва стоитъ и наблюдается то *рвота*, то быстрое *опорожненіе желудка*, то *непроизвольное мочеиспусканіе*.

Склонный къ паникѣ.

Герой разсказа врачъ. Передается разсказъ со словъ самого врача; заподозрить въ искренности и извращеніи изложенія событій съ его стороны нѣтъ никакихъ основаній.

18-го іюля подъ С. въ сторонѣ отъ Хайчена я и другіе врачи, говоритъ герой разсказа, приѣхали для освидѣтельствованія интендантскаго чиновника въ мѣсто расположенія полка.

Вдругъ, совершенно неожиданно для меня и для всѣхъ насъ, полетѣли артилерійскіе снаряды и начали вблизи насъ разрываться.

Впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ насъ и на меня особенно, ошеломляющее: *я задрожалъ, руки и ноги затряслись; зубы щелкали, ротъ открывался. Въ глазахъ вдругъ потемнѣло*, я почувствовалъ *слабость въ ногахъ* и чуть-чуть не упалъ, прислоняясь къ телѣгѣ. Въ головѣ, *помимо моей воли*, возникла *мысль «бѣжать»*. Я кажется и крикнулъ «бѣгите». Хотя этотъ моментъ я хорошо не помню. «Бѣжать» и «бѣжать скорѣе» была моя мысль. Я былъ въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Взобрался на повозку и кричалъ кучеру-солдату: «поѣзжай—поѣзжай скорѣе». И хотя, какъ говорили потомъ, мы ѣхали скоро, но мнѣ казалось, что мы ѣдемъ очень тихо; я сильно *ругался* и *сердился* на тихую ѣзду. На

пути повстрѣчали артилерію. Правила войны запрещаютъ мѣшать проѣзду артилеріи. Однако, какъ потомъ мнѣ говорили, я кричалъ и ругался, толкая возницу въ бокъ и приказывалъ ѣхать скорѣе въ обгонъ артилеріи.

Съ этихъ поръ я сталъ *подозрителенъ* и *боязливъ*. Мнѣ казалось, что японцы подойдутъ какъ либо незамѣтно...

Случилась ночью паника. Отрядъ N полка около 2-хъ часовъ ночи подошелъ къ нашему биваку и сталъ. Постовой не разобравъ русскіе ли это или японцы далъ выстрѣлъ... Вдругъ все всполошилось... Не помню, какъ я одѣлъ сапоги и что было со мной?

Передаютъ, что *я убѣжалъ въ обозъ, сѣлъ на незапряженную телѣгу и кричалъ: «спасайтесь, спасайтесь...»* Черезъ 5 минутъ всѣ успокоились... Но меня нашелъ въ телѣгѣ деньщикъ и закричалъ: «Ваше благородіе—все спокойно...» Только тогда я пришелъ въ себя и почувствовалъ, что мнѣ очень холодно: *руки и ноги дрожали, зубы щелкали...*

Съ 13-го августа подъ Ляояномъ началась канонада. Я былъ внѣ сферы артилерійскаго огня...

Однако, самый гулъ орудій привелъ меня въ возбужденно-тревожное состояніе... Я не могъ сидѣть спокойно. Постоянно ходилъ взадъ и впередъ, чтобы облегчить душевную тревогу. На вопросы товарищей *отвѣчалъ невпопадъ*: на разспросы не обращалъ вниманія. Всю недѣлю пока продолжалась канонада я находился въ такомъ состояніи.

Не *спалъ*, не *лъ* почти ничего; *пилъ* много. Временами чувствовалъ въ себѣ такой *холодъ*, что одѣвъ шубу, пледъ и теплую шапку, дрожалъ отъ холода... А между тѣмъ на дворѣ стояла теплая погода. На седьмые сутки сдѣлалось со мной еще хуже. Я безцѣльно бродилъ по валу, что-то *безсвязно бормоталъ*; на вопросы не *отвѣчалъ*; они казались мнѣ глухими, отдаленными и какъ будто меня не касающимися. Что было дальше... уже не помню... Опомился черезъ три дня въ пути къ Мукдену.

Въ пути къ Мукдену случилась ночью опять паника... Часовой замѣтилъ колыханіе гаоляна и, предположивъ, что въ гаолянѣ «японцы», далъ выстрѣлъ.

Я весь *задрожалъ*... и, какъ говорили товарищи, *побѣжалъ* къ обозу... Тамъ... *засунулъ голову въ пустую телѣгу*... и въ такомъ положеніи съ засунутой головой въ телѣгу, а туловищемъ внѣ телѣги стоялъ и дрожалъ... Тревога вскорѣ утихла, а я все еще продолжалъ стоять съ засунутой головой въ телѣгу. Въ такомъ состояніи меня деньщикъ успокоилъ и увелъ назадъ.

Я даже нѣсколько помню, какъ я самъ стоялъ въ обозѣ съ засунутой головой въ телѣгу; находилъ, что это нехорошо, но *не имѣлъ въ себѣ силъ встать* и чувствовать себя спокойно и выдержанно.

Приступимъ къ разбору полученныхъ данныхъ, согласно современному психологическому взгляду, изложенному въ началѣ статьи и согласно содержанія психологическаго матеріала въ рассказахъ и наблюденіяхъ.

«Внѣшней причиной вызывающей «вздрагиваніе» бойцовъ подъ огнемъ артилеріи является *раздраженіе* (огня) поражающее:

- 1) *Слухъ* выстрѣлами, полетомъ и разрывами снарядовъ.
- 2) *Зрѣніе*, видомъ разрывовъ снарядовъ, видомъ причиненныхъ огнемъ раненій и разрушеній.
- 3) *Осязаніе* сотрясеніемъ воздуха и земли при стрѣльбѣ и разрывахъ снарядовъ.

Всѣ эти раздраженія рѣзкія по силѣ и дѣйствуютъ на чело-вѣка какъ порознь, такъ и суммарно—и вызываютъ въ бойцахъ, какъ отвѣтную реакцію на раздраженіе «вздрагиваніе» простое, испугъ и страхъ.

Казалось бы, что разъ внѣшнія раздраженія зависящія отъ артилерійскаго огня остаются одни и тѣже, то и чело-вѣкъ реагируя на эти раздраженія долженъ бы и «вздрагивать» въ одной и той же степени.

Однако наблюденія показываютъ, что при одной и той же силѣ артилерійскаго огня люди реагируютъ на него въ видѣ «вздрагиванія» различно.

Въ первомъ бою, даже совершенно здоровые и выдержанные невольнo вздрагиваютъ!

Въ послѣдующіе бои тѣ же лица вздрагиваютъ меньше и даже почти совсѣмъ не вздрагиваютъ.

Но, послѣ 3—6 мѣсячной тяжелой боевой жизни, когда здоровье начинаетъ быть расшатаннымъ, вновь вздрагиваютъ и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе и болѣе въ рѣзкой формѣ. «Звукъ не только артилеріи, но и просто звукъ ружья своего же солдата вызываетъ сильное вздрагиваніе всѣмъ тѣломъ и невольное отбрасываніе въ сторону противоположную отъ стороны звука».

Отчего это зависитъ? Какъ общій отвѣтъ на поставленный вопросъ—будетъ, что *сила* или степень *вздрагиванія* бойцовъ при

тѣхъ же условіяхъ опасности отъ артилерійскаго огня, зависитъ отъ *нервно-психической крѣпости*, или степени здоровья бойцовъ.

Люди здоровые и выдержанные послѣ первыхъ боевъ привыкаютъ къ артилерійскому огню—не вздрагиваютъ. Но эта привычка, или вѣрнѣе сдерживаніе вздрагиванія продолжается до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не утомится отъ тяжести войны и не расшатаетъ своего здоровья. Какъ только утомленіе человѣка, вслѣдствіе недоѣданій, недосыпаній, утомительныхъ переходовъ, тяжелыхъ ожиданій и самой боевой обстановки, достигаетъ извѣстной степени, вздрагиванія вновь появляются—и попытка такого бойца сдерживать свои вздрагиванія, не даетъ плодотворнаго результата.

Съ этимъ положеніемъ стоитъ въ соотвѣтствіи и то наблюденіе, что «впечатлительные люди вздрагиваютъ въ первомъ бою въ болѣе сильной степени, чѣмъ крѣпкіе и здоровые, и въ послѣдующіе бои привыкнуть къ артилерійскому огню, т. е. сдерживать вздрагиванія впечатлительные не могутъ.

Впечатлительные люди, какъ быстро утомляющіеся и бывшіе здоровые, но утомленные нервно отъ всей тяжести войны, реагируютъ на артилерійскій огонь вздрагиваніемъ одинаково, т. е. при усилии сдержатъ вздрагиваніе—сдержатъ его не могутъ. Вздрагиваніе человѣка является невольной реакціей на раздраженіе артилерійскаго огня.

Вздрагиваніе есть сложный психо-физическій рефлексъ на раздраженія связанныя съ опасностью и съ этой точки зрѣнія вздрагиваніе есть такой же невольный и неудержимый рефлексъ, какъ смыканіе нашихъ вѣкъ при раздраженіи глаза.

Что такое вздрагиваніе, которое является невольнымъ психо-физическимъ рефлексомъ нашей психики на внѣшнее раздраженіе соединенное съ представленіемъ опасности? Какіе элементы входятъ въ составъ вздрагиванія, какъ психо-физическаго рефлекса?

Какъ было указано въ началѣ статьи на основаніи современнаго взгляда психологической литературы при разсматриваніи «вздрагиванія» съ точки зрѣнія чисто психологической, т. е. наличія, или отсутствія при вздрагиваніи идеи опасности, вздрагиваніе подраздѣляется: 1) простое *вздрагиваніе*, какъ мышечный актъ; 2) вздрагиваніе *испугъ*, гдѣ вмѣстѣ съ вздрагиваніемъ появляется представленіе объ опасности, но оно вскорѣ же и исчезаетъ и 3) вздрагиваніе-*страхъ*, гдѣ со вздрагиваніемъ появляется

представленіе объ опасности и это представленіе, какъ бы фиксируется въ психикѣ, становясь исходнымъ пунктомъ поведенія.

Итакъ, здѣсь съ чисто-психологической точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія наличія или отсутствія представленія объ опасности при вздрагиваніи, въ сложный психо-физической рефлексъ вздрагиванія входятъ какъ бы два элемента: 1) внѣшнее вздрагиваніе, какъ мышечный актъ и 2) психическое вздрагиваніе (назовемъ такъ по аналогіи съ внѣшнимъ вздрагиваніемъ).

Однако, эти два элемента—внѣшнее и психическое вздрагиваніе не охватываютъ всего сложнаго комплекса вздрагиванія, какъ психо-физическаго рефлекса.

Уже давно ученые (Дарвинъ, Mosso, Ribot, Сикорскій, Бехтеревъ и др.) отмѣчали, что всегда и постоянно непремѣнной частью при вздрагиваніи (испугъ-страхъ) помимо внѣшняго и психическаго вздрагиванія входятъ еще измѣненія внутритѣлесныя (сердца, сосудовъ, кишечника и др.). Эти измѣненія иногда видимы, какъ напр., поблѣдненіе лица, холодный потъ, опорожненіе пузыря и кишечника, рвота и др. Иногда эти измѣненія улавливаются на дѣятельности сердца, пульса и сосудовъ, лишь при помощи тонкихъ инструментовъ. Иногда эти измѣненія лишь только ощущаются внутренне, напр., ввидѣ «еканій», «сжиманія» и «тоски» со стороны сердца, ввидѣ «холода» и «мурашекъ по кожѣ» при спазмѣ кожныхъ сосудовъ, ввидѣ потемнѣнія и головокруженія съ порывами на тошноту при малокровіи мозга; ввидѣ порывовъ для опорожненія пузыря и кишекъ при усиленной дѣятельности этихъ органовъ и т. п.

Эти внутреннія измѣненія нашихъ органовъ, вмѣстѣ съ внѣшнимъ и психическимъ вздрагиваніемъ, всегда входятъ въ той или другой степени въ составъ «вздрагиванія», какъ психо-физическаго рефлекса.

Эти измѣненія при вздрагиваніи по аналогіи съ внѣшнимъ и психическимъ вздрагиваніями и по отсутствію опредѣленной терминологіи даннаго явленія въ психологической литературѣ, могутъ быть названы *внутреннимъ* вздрагиваніемъ.

Итакъ «вздрагиваніе», какъ рефлексъ нашей психики на раздраженіе, соединенное съ опасностью, состоитъ изъ трехъ элементовъ:

1) Сокращенія *произвольной* мускулатуры, ввидѣ вздрагиваній рукъ, ногъ, мышцъ лица и вообще всего корпуса, 2) сокращенія *непроизвольной* мускулатуры (сердца, сосудовъ, кишечника и др.) и 3) психическаго акта, какъ представленія объ опасности.

Всѣ эти элементы входятъ въ той или иной степени въ составъ каждаго «вздрагиванія», какъ сложнаго рефлекса, но въ этомъ рефлексѣ тотъ или другой элементъ можетъ преобладать, т. е. можетъ быть выраженъ, сравнительно съ другими, болѣе рѣзко. Преобладаніе того или другого элемента накладываетъ печать на видъ вздрагиванія.

I. При преобладаніи сокращеній произвольной мускулатуры, мы имѣемъ *внѣшнее* простое *вздрагиваніе*.

II. При преобладаніи сокращенія непроизвольной мускулатуры (сердца, сосудовъ, кишечника и др.) *внутреннее* *вздрагиваніе*.

III. При преобладаніи представленія объ опасности—*испугъ* и *страхъ*.

Примѣры вздрагиваній съ преобладаніемъ того или другого элемента, мы находимъ въ приведенныхъ разсказахъ и наблюденіяхъ.

I. Внѣшнее вздрагиваніе.

«Капитанъ одной роты, по общему признанію, былъ несомнѣнно храбрый, но онъ не могъ выносить спокойно ни одного выстрѣла, ни одного разрыва снарядовъ. При всякомъ звукѣ онъ *вздрагивалъ*, кивалъ головой, махалъ руками... Тѣмъ не менѣе, въ дѣйствительности онъ былъ храбрый; всегда при всякой опасности онъ шелъ впередъ и оставался тамъ, гдѣ другіе не выносили»... Солдаты, лучшіе цѣнители храбрости своихъ непосредственныхъ начальниковъ «знали его, какъ храбраго; шли за нимъ увѣренно и любили его».

При рѣзкомъ внѣшнемъ вздрагиваніи—психическій актъ, представленіе объ опасности (испугъ и страхъ) было выражено настолько слабо, что капитанъ, не имѣющій силъ побороть въ себѣ внѣшнее вздрагиваніе, имѣлъ внутреннюю силу побороть представленіе объ опасности (испугъ-страхъ) силу большую, чѣмъ другіе его окружающіе.

II. Внутреннее вздрагиваніе.

Наиболѣе рѣзкія формы выраженія подобнаго вида внутренняго вздрагиванія можно видѣть въ примѣрахъ внезапныхъ поблѣдненій и обморочныхъ состояній при обстрѣлѣ, въ случаяхъ внезапной смерти или, какъ говорятъ, смерти отъ испуга, или страха; въ состояніяхъ наступающаго безсилія и слабости и др.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ при вздрагиваніи преобладаетъ сокращеніе произвольной мускулатуры сердца, сосудовъ, кишечника и др. Отсюда блѣдность, обморочныя состоянія, мускульное безсиліе, нерѣдко произвольное мочеиспусканіе, дефекація, рвота и др.

Когда же проявленія сокращенія или спазма произвольной мускулатуры хотя и не достигаютъ рѣзкой формы дающей указанныя внѣшнія проявленія: блѣдность, безсиліе, обмороки и др., человѣкъ все же испытываетъ соотвѣтствующія ощущенія изъ тѣхъ органовъ, которые подверглись внутреннему вздрагиванію: «еканіе и сжиманіе сердца» съ ощущеніемъ какого то томленія, «боли» иногда «рѣзь въ животѣ», «потемнѣніе въ глазахъ», «головокруженіе со слабостью», иногда «склонность зѣвать» и даже какъ бы уснуть, ощущеніе «холода», «мурашекъ» и др.

Лица неспеціальной подготовки не могутъ дать точныхъ описаній внутреннихъ ощущеній отъ «внутренняго вздрагиванія» и обычно лишь указываютъ, что на душѣ (на сердцѣ) становится какъ то непріятно... и образно передаютъ, «что это душевное состояніе такое, какое мы испытываемъ при неожиданномъ раздавленіи ногой лягушки, или при попаданіи подъ ногу скользкаго»...

Другой, отмѣчая часть тѣхъ же явленій, говоритъ. «На меня дѣйствовали хуже звуки своей или непріятельской артиллеріи, работающей сзади. Тутъ я вздрагивалъ и чего то боялся.

Когда тѣ же звуки спереди, я не боялся, но одно явленіе наблюдалъ у себя: я въ это время *зваю* и мнѣ *хочется спать* (часть ощущеній отъ внутренняго вздрагиванія).

Нѣкоторые, обращая большее вниманіе на ощущенія сердца, отмѣчаютъ такъ.

«Когда я находился подъ обстрѣломъ артилерійскимъ огнемъ непріятеля на мѣстности, гдѣ не было укрытій «ужасъ и *чувство на подобіе тоски* наполнило скоро все мое существо».

Опредѣлить, что это за чувство—трудно, оно не бывало у меня раньше, до боя, въ мирное время. Но теперь и послѣ войны я его переживаю... Когда я слышу какой нибудь свистъ или стукъ напоминающій свистъ и взрывъ снаряда «сердце мое начинаетъ болѣзненно *сжиматься* и тоска, я не знаю, какъ сказать иначе, именно тоска мучительная и подавляющая расплзается и охватываетъ всего меня».

III. Психическое (вздрагиваніе)—представленіе объ опасности.

«Командиръ N полка семь разъ участвовалъ въ бояхъ и всегда былъ выдержаннымъ и храбрымъ.

Въ военномъ бою... когда полетѣли снаряды, заволновался, засуетился и сталъ кричать: «ройте, ройте скорѣе» (яму). При этомъ суетливо и злобно махалъ руками, дико водилъ глазами по сторонамъ, топалъ ногами»...

Здѣсь у командира, человѣка уже утомленнаго предшествующими боями, «вздрагиваніе» вылилось въ форму преобладанія психического элемента.

Представленіе объ опасности, какъ бы фиксировалось и послужило исходнымъ пунктомъ его поведенія (*страхъ*).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ всѣ три элемента вздрагиванія бываютъ выражены вмѣстѣ и въ то же время ярко.

Это случаи типичнаго выраженія чувства страха.

Здѣсь мы наблюдаемъ иногда въ очень яркой формѣ: вздрагиваніе—произвольной мускулатуры и вздрагиваніе психическое—фиксацию представленія объ угрожающей опасности.

Яркій примѣръ подобнаго состоянія представляетъ описанный въ разсказѣ: «Склонный къ паникѣ» врачъ.

Это состояніе типичнаго страха съ яркимъ выраженіемъ всѣхъ трехъ элементовъ вздрагиванія описываетъ самъ врачъ въ слѣдующихъ чертахъ.

«Вдругъ совершенно неожиданно для меня, да и для всѣхъ насъ, полетѣли артиллерійскіе снаряды» (внѣшнее слуховое раздраженіе).

«Я задрожалъ, руки и ноги затряслись, зубы щелкали, ротъ открывался» (*внѣшнее вздрагиваніе*)—не единичное, но цѣлый рядъ вздрагиваній—*дрожаніе*).

«Въ глазахъ потемнѣло, я почувствовалъ слабость въ ногахъ и чуть-чуть не упалъ, прислоняясь къ телѣгѣ» (*внутреннее длительное вздрагиваніе—спазмъ сосудистой системы*).

«Въ головѣ, помимо моей воли, возникла мысль «бѣжать» и эта мысль, какъ бы засѣла въ головѣ. Я, кажется, даже крикнулъ; «бѣгите»... И самъ забрался на повозку и крикнулъ кучеру-сол-

дату: «поѣзжай,—поѣзжай скорѣе»... (*Психическое вздрагиваніе*—мысль, или представленіе о неминуемой опасности, какъ бы *фиксировалась* и послужила исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго поведенія).

Итакъ, рассматривая «вздрагиваніе» бойцовъ отъ артиллеріи, съ точки зрѣнія наличія, или отсутствія представленія объ опасности, т. е. чисто психологически, мы, согласно принятому психологическому взгляду, область явленій, описываемыхъ нами подъ именемъ вздрагиванія, подраздѣлили:

1) *Простое вздрагиваніе*, какъ мышечный актъ безъ наличія идеи объ опасности, 2) *вздрагиваніе-испугъ*, гдѣ уже имѣется идея объ опасности, но неясная и скоротечная и 3) *вздрагиваніе-страхъ*, съ наличіемъ идеи объ опасности заполняющей психику пораженного на болѣе или менѣе продолжительное время.

Рассматривая же «вздрагиваніе», какъ сложный психо-физическій рефлексъ, со стороны составныхъ частей рефлекса, мы согласно нашимъ наблюденіямъ и не противорѣча даннымъ психологической литературы, выдѣлили:

1) *Внѣшнее* (или простое) *вздрагиваніе*, какъ сокращеніе произвольной мускулатуры, 2) *внутреннее вздрагиваніе*, какъ сокращеніе непроизвольной мускулатуры (сосудовъ, сердца, кишечника и др.) и 3) *психическое вздрагиваніе*—(душевный актъ), какъ представленіе объ опасности.

При этомъ дробленіи, какъ основное положеніе мы принимаемъ, что въ каждое «вздрагиваніе», какъ психо-физическій рефлексъ, входятъ обязательно всѣ три вида проявленія рефлекса, но лишь только они могутъ различаться въ степени своей выраженности,—съ преимущественнымъ преобладаніемъ того или другого вида проявленія.

Съ этой точки зрѣнія испугъ и особенно страхъ, должны быть отнесены къ преимущественному выраженію проявленій—психического вздрагиванія.

Распредѣленіе психологическаго матеріала нашихъ рассказовъ и наблюденій по схемѣ рефлекса мы считаемъ наиболѣе удобнымъ и съ научной точки зрѣнія болѣе правильнымъ.

Здѣсь, при распредѣленіи матеріала по схемѣ рефлекса устраняется субъективизмъ и односторонность принятаго психологическаго взгляда рассматривать явленія «вздрагиванія» лишь только съ точки зрѣнія наличія или отсутствія идеи объ опасности (по нашей терминологіи, лишь только съ точки зрѣнія—*психическаго вздрагиванія*).

Психо-физическія явленія наблюдаемыя у бойцовъ отъ воздѣйствія артилерійскаго огня охватываются полнѣе, будучи разсматриваемы не съ одной (только психической стороны), но со стороны внѣшней мускулатуры и отправления внутреннихъ органовъ.

„Невольныя движенія“ людей при дѣйствіи артилерійскаго огня.

Подъ именемъ «невольныхъ движеній» я имѣю представить вниманію читателей перечень тѣхъ произвольныхъ движеній, которыя наблюдаются у участниковъ сраженій при дѣйствіи артилерійскаго огня.

Говоря о «невольныхъ движеніяхъ», какъ проявленіяхъ психики сражающихся, я не касаюсь въ настоящемъ ихъ психологическаго объясненія; я ограничиваю свою задачу и ставлю цѣлью дать лишь перечень «невольныхъ движеній» людей подъ огнемъ въ болѣе или менѣе систематизированномъ видѣ, не претендуя, однако, при этомъ на исчерпывающую полноту, что невозможно пока по недостатку матеріала и при отсутствіи военно-психологическихъ работъ въ этомъ направленіи.

Область «невольныхъ движеній», относясь какъ частное къ общему вопросу изслѣдованій о «духѣ войскъ» на войнѣ, до послѣдняго времени, насколько мнѣ извѣстно, не подвергалась изученію. И наши шаги въ этомъ направленіи предпринятые на основаніи наблюденій въ Русско-японскую войну, являются лишь начальными, ⁴⁾

Такъ какъ огонь артилеріи, по своей могущественности и несомнѣнной губительности для жизни человѣка, представляетъ несомнѣнную опасность для человѣка, то, въ цѣляхъ систематизаціи и для руководства читателя въ психологическомъ пониманіи предлагаемыхъ рассказовъ и наблюденій, располагаю ихъ по содержанію въ томъ порядкѣ «невольныхъ движеній», какимъ мы обычно и въ мирное время реагируемъ на ту, или другую возникающую опасность для жизни.

Эти невольныя движенія можно подраздѣлить:

1) *обычныя защитныя движенія;*

⁴⁾ Призывъ и дѣятельность въ настоящую Отечественную войну принудила меня сохранить изложеніе статьи.

- 2) профессиональныя защитно-боевыя движенія;
- 3) движенія, какъ уклоненіе отъ опасности;
- 4) движенія направленныя къ уничтоженію опасности;
- 5) движенія—примиряющія съ опасностью.

Для ясности—мѣста разсказовъ и наблюденій, которые рисуютъ тѣ или другія характерныя для нашихъ цѣлей движенія, отмѣчаю курсивомъ.

Разсказы и наблюденія:

I. Обычныя защитныя движенія.

Сидящіе въ окопахъ подъ огнемъ.

При артилерійскомъ огнѣ, особенно, когда снаряды даютъ перелетъ удается различать въ полетѣ (снаряда) три момента:

1) выстрѣлъ, 2) шипѣніе полета и 3) разрывъ.

Всѣ эти моменты продолжаются 1—2 секунды, сливаясь въ одинъ общій звукъ отъ разрыва снаряда.

Сидящіе въ окопахъ подъ артилерійскимъ огнемъ съ напряженіемъ прислушиваются, когда зашипитъ въ воздухѣ летящій снарядъ и гдѣ онъ разорвется. При разрывахъ обычно невольно вскакиваютъ и *смотрятъ, идтъ и какъ разорвался*. Сидящіе, большей частью, блѣдны. Лица ихъ тревожны.

Лишь только слышится шипѣнье снаряда, *сердце болѣзненно сожмется*; весь замрешь и невольно *прижмешься къ стѣнѣ окопа* въ томительномъ ожиданіи разрыва снаряда, говорилъ офицеръ, пережившій нѣсколько разъ подобное состояніе. Звукъ разрыва, долетающій до ушей заставляеть невольно *вздригнуть всѣмъ тѣломъ* и подскажетъ: ну, слава Богу и этотъ миноваль. Вздохнешь свободнѣе и снова до болѣзненности напрягаешь слухъ, не зашипитъ ли гдѣ пролетающій снарядъ...

Въ первый и послѣдующіе бои...

Первый разъ, когда я попалъ въ площадь обстрѣла снарядами, я сильно *волновался и дрожалъ*. При этомъ, лишь казалось страннымъ, но было такъ, чтобы защититъ себя отъ снаряда, я *вздрагивая невольно, пристыдалъ, голову втягивалъ въ плечи и кисти рукъ съ поднятыми локтями прикладывалъ къ лицу*, т. е. продѣлывалъ невольно тѣ защитныя движенія, которыя мы употребляемъ обычно,

напр. при ожиданіи удара по лицу, или головѣ. И здѣсь я ихъ продѣлывалъ инстинктивно, при ясномъ сознаніи ихъ бесполезности. Ибо хорошо знаешь, что отъ снаряда этими движеніями не защитишься, да и кромѣ того, когда продѣлываешь всѣ эти движенія снарядъ давно уже пролетѣлъ; они совершенно бесполезны. А тѣмъ не менѣе, не смотря на сознаніе бесполезности, *эти защитныя движенія продѣлываются неволью.*

Послѣ перваго боя я сталъ спокойнѣе. При обстрѣлѣ снарядами не махалъ руками, не кивалъ головой, не поднималъ рукъ для защиты лица отъ снаряда.

Однако, когда прошло три мѣсяца боевой жизни въ постоянной тревогѣ, тогда я сталъ раздражительнѣе; при всякой неожиданности неволью вздрагивая, *я вновь замѣтилъ*, что сталъ продѣлывать *тѣ же невольныя движенія* при пролетѣ снарядовъ, которыя я замѣтилъ за собой въ особенности ярко выраженными въ первомъ бою.

Впечатлительный и спокойный.

Я, можно сказать, не боюсь артилерійскаго огня, говоритъ офицеръ, участникъ многихъ сраженій.

Звуки выстрѣловъ и разрывы снарядовъ не производятъ на меня такого дѣйствія, какъ на другихъ впечатлительныхъ.

Люди впечатлительные при всякомъ звукѣ *вздрагиваютъ* и продѣлываютъ *невольныя движенія: кивокъ головы, поклонъ, пристыданіе, закрываніе глазъ рукой, иногда руки съ растопыренными пальцами* при закрываніи лица бывають обращены *въ сторону пролетающаго снаряда, иногда рѣзкій отклонъ головы въ обратную отъ звука сторону.*

Въ первомъ бою я тоже вздрагивалъ, хотя не такъ рѣзко, какъ другіе. При взрывѣ снаряда неволью *закрывалъ лицо руками...* Но это было лишь въ первый бой. Потомъ я былъ почти совершенно спокоенъ.

На меня хуже дѣйствовали звуки непріятельской и даже своей артилеріи, но работающей сзади. Тутъ я почти всегда вздрагивалъ и чего то боялся. Спереди... ничего; не боялся.

Вздрагивающій, но храбрый.

Капитанъ одной роты, человѣкъ несомнѣнно храбрый, по общему признанію всѣхъ его сослуживцевъ, ⁵⁾ не могъ выносить спокойно ни одного выстрѣла, ни одного разрыва снаряда. При всякомъ звукѣ онъ вздрагивалъ, *кивалъ головой, махалъ руками, присѣдалъ...* Тѣмъ не менѣе онъ всегда при всякой опасности шелъ впередъ и оставался тамъ, гдѣ другіе не выносили.

Бывало солдаты лежать, а онъ одинъ, не желая ложиться, стоитъ и только, при всякомъ звукѣ вздрагивая, *махаетъ головой и руками...*

Въ дѣйствительности, помимо этихъ движеній, онъ былъ храбрый. Всюду шелъ впереди своей роты и шелъ охотно.

Солдаты, лучшіе цѣнители храбрости и боязливости своихъ командировъ, знали его особенность. Не считали за это трусливымъ; шли за нимъ увѣренно; любили его...

Говорилъ, что къ артилерійскому огню былъ равнодушенъ.

Бои на меня не вліяли, говорилъ офицеръ, проведеншій въ передовыхъ линіяхъ около года; офицеръ по виду крѣпкій, здоровый и по его признанію въ бояхъ выдержанный и спокойный.

Я былъ къ артилерійскому огню совершенно равнодушенъ; спокоенъ и не вздрагивалъ.

Правда, въ *началѣ войны* неожиданно летящіе снаряды *заставляли меня вздрагивать, невольно кивать головой, защищаться руками, присѣдать и придавливаться къ землѣ.*

Но, послѣ перваго боя я не сталъ обращать никакого вниманія, ни на гулъ, ни на трескъ снарядовъ. Я былъ спокоенъ и не вздрагивалъ.

Однако, *погода бивачной жизни* съ недосыпаніемъ, съ холодомъ и съ недоѣданіемъ расшатала и меня. Товарищи офицеры стали раздражительны и капризны. Я также сталъ отъ пустяковъ раздражаться и злиться. Тоже и между солдатами: злятся, ругаются и чуть-чуть не дерутся изъ за глупостей.

И вотъ—въ это время, говорили мнѣ солдаты, я сталъ снова *кивать головой, присѣдать и отмахиваться отъ снарядовъ*, какъ острили солдаты.

⁵⁾ Шумковъ. Герой рѣшимости. «Военный Сборникъ», 1911 г.

Приведенные рассказы рисуютъ тѣ обычные невольныя движенія, которыя наблюдаются у бойцовъ при пролетѣ артилерійскихъ снарядовъ. Конечно, приведенный перечень движеній не есть полный. Несомнѣнно наблюдаются и другія, не вошедшія въ рассказы, переданныя выше, но которые легко дополнить, принимая во вниманіе характеръ движеній.

Какъ видно, по характеру эти движенія не есть движенія какія то особенныя, нѣтъ, эти движенія у бойцовъ такія же какъ и у всѣхъ людей при реагированіи ихъ на опасность, клонящуюся къ нарушенію цѣлости лица, головы и др.; эти движенія для всѣхъ людей обычны или привычны.

Обобщая движенія переданныя выше въ разсказахъ, мы видимъ слѣдующія изъ нихъ:

Наклонъ головы впередъ или, какъ говорятъ, *кивокъ*; *движеніе головой* въ обратную сторону *отъ пролета снарядовъ*; *втягиваніе головы въ плечи*; *наклонъ головы и туловища впередъ, присѣданіе, прижатіе всѣмъ тѣломъ къ землѣ* (паденіе). *Закрываніе глазъ рукой*; *отставленныя руки съ растопыренными пальцами* къ звуку полета. При этихъ движеніяхъ наблюдается провожаніе снаряда съ соотвѣтствующимъ поворотомъ глазъ и головы по направленію звука.

Выбѣганіе изъ за прикрытій для осмотра—гдѣ и какъ разорвался снарядъ.

Лицо до перваго снаряда будучи спокойнымъ со втораго становится *серьезно-сосредоточеннымъ*; нѣтъ улыбокъ; вмѣсто улыбки какая то гримаса (ложная улыбка); на вопросы обычно не отвѣчаютъ (ложная глухота).

Кромѣ этихъ отмѣчали при обстрѣлѣ артилерійскимъ огнемъ людей сидящихъ по склону горы направленной къ огню—люди, скорчившись, прижимались къ горѣ; лицо обращено въ землю, или люди какъ бы вдавливались въ землю. При попыткѣ принять сидячее положеніе спиной обращались, а лицомъ, какъ бы отворачивались отъ того мѣста откуда летѣли снаряды. Передавали, что нѣкоторые, видя какъ бы неминуемую опасность, принимали позу, какъ бы убитыхъ съ разбросанными руками и ногами.

Передавали какъ курьезъ, что одинъ алкоголикъ не только при артилерійскомъ обстрѣлѣ, но и при ружейномъ огнѣ, «теряя соображеніе», становился на четверенки и повторялъ, какъ попугай, всякую команду. Напримѣръ, слышитъ команду: «пачками» и онъ повторяетъ «пачками», «пачками», «курокъ», «курокъ»...

По общему характеру движеній видно, что они свойственны всѣмъ людямъ при обстоятельствахъ подобныхъ пребыванію подъ артилерійскимъ огнемъ, эти движенія инстинктивны и для всѣхъ людей, какъ реакція на предполагаемую опасность, обычны.

Что касается напрашивающагося вопроса: у всѣхъ ли людей эти движенія одинаковы и есть-ли разница между ними и почему? А также, одинаково ли реагируетъ своими невольными движеніями на опасность человекъ во время первыхъ и послѣдующихъ боевъ, въ началѣ и концѣ войны? Мы здѣсь оставляемъ ихъ безъ разсмотрѣнія, говоря лишь о суммарно наблюдаемыхъ невольныхъ движеніяхъ.

II. Профессіональныя защитно-боевыя движенія.

Люди, обычно, при всякой неожиданности вздрагиваютъ въ той или другой мѣрѣ и принимаютъ тѣ или другія обычные защитныя движенія въ направленіи идущей опасности, описанныя выше.

Лица военныя, со спеціальной профессіональной подготовкой защитно-боевыхъ движеній на предполагаемую опасность въ бою идущую отъ лица непріятеля, реагируютъ кромѣ обычныхъ профессіональными заученными движеніями: стрѣльбы, работы шашкой, работы штыкомъ и т. п.

Разсказывали мнѣ нѣсколько случаевъ подобныхъ невольныхъ защитно-боевыхъ движеній по отношенію къ огню артилеріи:

Полкъ шелъ по ровной дорогѣ, направляясь къ полю сраженія, но внѣ артилерійскаго огня. Опасности отъ обстрѣла огнемъ не предполагалось. Шли люди погруженные въ свои мысли и не думая объ опасности. Неожиданно для всѣхъ прошипѣлъ съ гуломъ артилерійскій снарядъ (шимоза) и съ сильнымъ оглушающимъ трескомъ разорвался невдалекѣ отъ одной роты. *Всѣ невольно вздрогнули.* И казалось бы на эту неожиданность одно только невольное вздрагиваніе и должно быть. А между тѣмъ, (солдаты потомъ смѣялись) часть людей, вблизи которыхъ разорвался снарядъ вмѣстѣ съ общимъ вздрагиваніемъ *взмахнули ружьемъ и направили штыки* къ мѣсту разрыва снаряда; оцетинились. А фельдфебель, идущій съ ними, схватилъ револьверъ и *выстрѣлилъ.*

Конечно, было смѣшно идти въ штыки и стрѣлять въ мѣсто разрыва. Но это было сдѣлано невольно и безсознательно, какъ заученная защитно-боевая реакція на опасность, дѣйствующая какъ бы автоматически.

Къ этимъ же невольнымъ защитно-боевымъ движеніямъ относится наблюдаемая иногда безъ команды стрѣльба солдатъ при неожиданномъ свистѣ пуль и разрывахъ снарядовъ въ то время, когда они сидятъ въ окопахъ.

Къ нимъ же относится нежелательное, но отмѣчаемое многими офицерами явленіе, какъ напримѣръ по наблюденію офицера, ⁶⁾ когда стрѣлки послѣ многихъ бессонныхъ и тревожныхъ ночей сдѣлались болѣе нервными, — стрѣлокъ, вставивъ одну обойму 5 патроновъ), выстрѣлил 8 разъ, зря щелкалъ затворомъ и спускалъ курокъ, не соображая, что въ магазинной коробкѣ нѣтъ больше патроновъ... На мои разспросы начальствующіе нижніе чины подтвердили, что неоднократно видѣли, какъ солдаты стрѣляли, не заряжая ружья послѣ израсходованія магазина. Случаевъ жъ торопливаго и нервнаго спуска курка безъ патрона одинъ разъ было много. Видимо, выбросивъ послѣднюю гильзу, стрѣлокъ въ самый горячій моментъ забываетъ зарядить винтовку (продолжаетъ дѣйствовать автоматически) и только не получивъ ощущенія отдачи послѣ выстрѣла, приходитъ въ себя. На болѣе же нервныхъ и это не дѣйствуетъ и они продолжаютъ щелкать по-пусту нѣсколько разъ.

Не имѣя другихъ наблюденій подобнаго же рода, я не могу охватить эти невольныя защитно-боевыя движенія въ ихъ разнообразіи съ наибольшей полнотой. Но думаю, что будетъ и такъ понятно, что эта группа движеній охватываетъ тѣ автоматическія (помимо нашей воли) движенія, которыя являются какъ результатъ профессіи, — результатъ защитно-боевыхъ навыковъ доведенныхъ обученіемъ до автоматизма.

III. Движенія, какъ уклоненіе отъ опасности.

Бѣжали...

Къ вечеру артилерійскій огонь непріятеля стихъ. Офицеры, утомленные дневнымъ боемъ и одиночествомъ, сошлись въ болѣе или менѣе безопасное мѣсто къ полковому командиру и стали бесѣдовать, передавая другъ другу впечатлѣнія дня и вспоминая прошлое.

За общей бесѣдой время шло быстро и на душѣ послѣ дневной тягости становилось легче.

Мы за разговорами почти забыли о всякой возможной опасно-

⁶⁾ *Кап. Шухевичъ, Журналъ Об-ва Рев. воен. знаній, кн. I, 1907 г.*

сти, говорилъ офицеръ; передавая другъ другу разное изъ своей жизни, много смѣялись. На душѣ уже было легко; чувствовали себя спокойно, а прошедшіе бои и поведеніе наше въ нихъ давали намъ общую увѣренность, что мы всѣ въ общемъ люди храбрые.

Вдругъ—въ одинъ моментъ, совершенно для всѣхъ неожиданно. вблизи насъ съ рѣзкимъ неприятнымъ гуломъ пролетѣлъ *снарядъ* и приблизительно шагахъ въ 10—12 отъ насъ, ударившись въ землю, оглушительно разорвался, обдавая насъ грязно-бурымъ облакомъ дыма.

Что съ нами было? Мы *все бѣжали*... Я тоже бѣжалъ... И шаговъ лишь черезъ 20—30 опомнился, взглянулъ по сторонамъ и остановился. Куда, зачѣмъ бѣгу, подумалъ я. Повернулся назадъ и сталъ осматриваться. Мнѣ представилась слѣдующая картина. На мѣстѣ, что говорится, не струся сидѣлъ лишь только одинъ подполковникъ. Кругомъ по *разнымъ направленіямъ бѣжали* офицеры и самъ полковой командиръ. Убѣгая впередъ нѣкоторые замедляли бѣгъ и останавливаясь озирались кругомъ, а потомъ тихонько возвращались къ мѣсту, гдѣ находились раньше. Полковой командиръ бѣжалъ шаговъ сто и только тогда опомнился. Оказался изъ насъ наиболѣе храбрымъ одинъ лишь подполковникъ, который усидѣлъ на мѣстѣ.

Упавшій снарядъ—была шимоза. Она не причинила никому вреда. Но лишь *напугала* насъ своимъ шумомъ при пролетѣ и разрывѣ.

Зачѣмъ мы бѣжали? Мы бѣжали безотчетно, не зная куда и зачѣмъ. Потомъ, сойдясь вмѣстѣ, мы смѣялись надъ собой; надъ своей храбростью.

Бѣги—не бѣги—результатъ одинъ. Если бы кто былъ раненъ, онъ былъ бы раненъ и не убѣжалъ. А кто остался цѣлъ и невредимъ тому и бѣжать было нечего.

Но мы *невольны бѣжали*.

Основная черта невольныхъ движеній, какъ уклоненій отъ опасности, является бѣгъ.

Участники боевъ передаютъ много эпизодовъ, рисующихъ эти состоянія и примыкающихъ обычно къ состоянію страха и паники, я ихъ не привожу здѣсь, въ надеждѣ передать это движеніе въ будущемъ наиболѣе подробно.

Эти инстинктивные движенія составляютъ одну группу движеній, какъ уклоненій отъ опасности.

Вторую группу движеній, какъ уклоненій отъ опасности, составляютъ *малодушно-защитныя движенія*, гдѣ элементъ уклоненія носить, какъ бы сознательный характеръ.

Въ одномъ изъ разсказовъ ⁷⁾ мною отмѣчены внутреннія переживанія подь артилерійскимъ огнемъ...

Но, по утверженію лицъ много разъ бывавшихъ подь артилерійскимъ огнемъ, когда обстрѣлъ совершается долго, душевное состояніе становится все тяжелѣе и тяжелѣе и наконецъ становится такъ тяжело и невыносимо тяжело, что *въ умъ* невольно является *мысль прекратить эту душевную тяжесть самоубійствомъ*. Это гнетущее состояніе, по словамъ пережившихъ, не поддается точному описанію, но для самочувствія настолько тяжелое, что выйти изъ этого состоянія какимъ угодно путемъ, до самоубійства включительно, является насущной потребностью.

Въ это время является сильное желаніе *быть раненымъ*, чтобы подь благовиднымъ предлогомъ, на законномъ, будто бы, основаніи, выйти изъ сферы обстрѣла и, слѣдовательно, избавиться отъ щемяще-тяжелаго состоянія на душѣ.

Многіе *ради шутки выскакиваютъ изъ окна*; или *высовываютъ кулаки*. Иногда надѣвая на руку шапку поднимаютъ её. Иногда *поднимаютъ ноги сапогами кверху*... И подь видомъ шутки и каламбура *ищутъ легкаго раненія*...

Такіе поступки, въ желаніи легкаго раненія, по увѣренію многихъ, общи почти что всѣмъ находящимся подь обстрѣломъ. И хотя всѣми оно понимается правильно, какъ желаніе избавиться отъ тяжелаго душевнаго состоянія и стремленіе выйти изъ обстрѣла, т. е. понимается какъ нечестный поступокъ, но, почему то въ то время, онъ не клеймится и не осуждается, какъ позорный. «Должно быть всякій понимаетъ, что у каждаго на душѣ тоже», говорили такъ многіе, побывавшіе въ подобныхъ условіяхъ.

Эта группа движеній, какъ я сказалъ, носить характеръ какъ бы сознательныхъ движеній, — движеній направленныхъ къ самоповрежденію, но не собственнымъ оружіемъ, которое вѣдь всегда подь руками, но къ самоповрежденію отъ руки непріятеля.

Эти движенія нельзя назвать строго сознательными, они являются въ душѣ безсознательно, какъ результатъ невыносимо тяжелаго душевнаго состоянія подь огнемъ, ни какъ предвѣденіе явленій, что мы видимъ у членовредителей, а какъ результатъ движеній, направленныхъ къ выраженію наличнаго состоянія духа.

⁷⁾ Г. Шумковъ. «Вздрагиванія» людей при дѣйствіи артилерійскаго огня «Воен. Сб.» № 12, 1914.

IV. Движенія направленные къ уничтоженію опасности.

Какъ бы противовѣсомъ группѣ явленій, клонящихся къ уклоненію отъ опасности, являются движенія направленные къ уничтоженію причины опасности.

Эти движенія—стремленіе уничтожить причину опасности.

Когда причиной опасности является что-нибудь близко отъ насъ отстоящее, то очень часто мы реагируемъ или вздрагиваніемъ⁸⁾ съ остановкой на мѣстѣ, или бѣгомъ назадъ, или движеніемъ впередъ къ уничтоженію явленій несущихъ опасность.

И здѣсь въ бою—подъ артилерійскимъ огнемъ формы этихъ реакцій на опасность существуютъ, но выражаются лишь примѣнительно къ явленіямъ войны, въ нашемъ же случаѣ, примѣнительно къ артилерійскому огню.

Реагировать на артилерійскій огонь стремительнымъ бѣгствомъ впередъ и по разстоянію и по опасности при движеніи уже нѣтъ никакихъ сознательныхъ побужденій, которыя бы давали увѣренность въ достиженіи намѣчаемаго.

Но тамъ, гдѣ сознаніе бываетъ потемнѣно, гдѣ человѣкъ дѣйствуетъ уже не по побужденіямъ осмысленія явленій, а по влеченіямъ своей природы въ ея инстинктахъ и невольныхъ автоматическихъ движеніяхъ, тамъ эта группа невольныхъ движеній, направленныхъ къ уничтоженію опасности, проявляется въ простой рудиментарной формѣ, неприспособленной къ обстоятельствамъ.

Наблюдались, какъ рассказываютъ случаи, когда при обстрѣлѣ снарядами, нѣкоторыя лица, безъ всякой видимой причины, вскакивали изъ за прикрытій и нецелуемые никѣмъ *бѣжали впередъ*. Чаще всего они были убиваемы. (Инстинктивное стремленіе впередъ).

Д-ръ Владычко, въ описаніи душевныхъ заболѣваній въ Портъ-Артурѣ, приводитъ случай подобнаго рода.

На одномъ изъ фортовъ праваго фланга, стрѣлокъ, не обнаруживавшій раньше ничего ненормальнаго, вдругъ сталъ возбужденнымъ и *бросился одинъ бѣжать въ сторону японцевъ* безъ винтовки и фуражки... Былъ убитъ.

Правда, это уже ненормальность; но она, по моему мнѣнію, показываетъ выпукло темные инстинкты человѣческой природы въ реакціи ея на опасность.

⁸⁾ См. мою ст. «Вздрагиванія». «Воен. Сб.» № 12, 1914 г.

V. Движенія примиряющія съ опасностью.

Бхаль развlechься.

Офицеръ-саперъ пріѣхаль изъ Россіи на театръ военныхъ дѣйствій по собственному желанію.

Онъ давно тяготился жизнью, отсутствіемъ интереса къ жизни и вотъ, чтобы развlechься, онъ поѣхаль на войну.

Прибывъ на театръ военныхъ дѣйствій, онъ вскорѣ попалъ въ бой. Правда, въ бою съ оружіемъ въ рукахъ онъ не былъ, но все же обозъ, гдѣ онъ находился, подвергся сильному обстрѣлу.

Всякій разъ, какъ только разрывался снарядъ, или звучала наша пушка (русская артилерія была ближе) меня всего передергивало...

Чѣмъ рѣже выстрѣлы — сильнѣе дѣйствіе.

Если звуки часты, начальныя сильныя вздергиванія всѣмъ тѣломъ становятся меньше и, кажется, подъ конецъ перестаютъ наблюдаться.

Но наступаетъ вмѣсто ажитаціи *апатія*.

Я отъ частыхъ вздергиваній дѣлаюсь апатичнымъ и *равнодушнымъ ко всему окружающему*. Тогда меня уже не интересуютъ, что со мной и что творится около и вблизи меня.

Вопросы жизни и смерти въ ту пору, какъ бы меня не касаются.

Я сидѣлъ въ это время почти неподвижно и не обращалъ, вниманія на окружающихъ. Казалось, что я о чемъ то глубоко думалъ. На самомъ же дѣлѣ у меня въ головѣ не было ни одной яркой мысли, кромѣ непріятнаго на душѣ состоянія *съ безразличнымъ отношеніемъ ко всему окружающему*.

Инстинктъ самосохраненія влохнеть...

Черезъ нѣкоторое время пребыванія подъ обстрѣломъ, реакція человѣка на пролетъ и разрывъ снарядовъ, въ видѣ общаго вздрагиванія, съ кивкомъ головой, со стремленіемъ наклонить голову и прижаться всѣмъ тѣломъ къ землѣ, становится все меньше и меньше и подъ конецъ какъ бы не замѣчается. Человѣкъ вслѣдствіе всего перенесеннаго погружается въ *апатическое* состояніе, — состояніе полнаго равнодушія по всему окружающему и къ своей участи. И одно только томительно-щемящее состояніе на душѣ

становится еще тяжелѣе. Но ни стремленій къ внѣшней защитѣ, ни стремленій къ уклоненію изъ сферы обстрѣла, человѣкъ не обнаруживаетъ. Онъ становится равнодушнымъ; убьютъ, или не убьютъ; будетъ живъ или не будетъ,—ему теперь все равно. Получается въ природѣ человѣка какое то душевное отупѣніе, гдѣ *инстинктъ самосохраненія*, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся, окончательно *молнетъ*. Человѣку безразлично; ему все равно, что будетъ съ нимъ. *Инстинктъ самосохраненія* становится какъ бы *парализованнымъ*.

Такое состояніе *апатіи*, или *равнодушія ко всему окружающему и къ своей судьбѣ*, обычно, наступаетъ не сразу.

Послѣдовательность его наступленія характеризуетъ одинъ врачъ, пережившій нѣсколько разъ подобное состояніе, въ слѣдующихъ чертахъ:

Ожиданіе неминуемой смерти.

Когда человѣкъ попалъ въ такія условія, что смерть виситъ на волоскѣ, онъ, прежде всего, испытываетъ сильную жажду жизни. Желаніе жить настолько сильное, что онъ, кажется, купилъ бы или завоевалъ бы себѣ жизнь даже путемъ преступленій.

Въ эту минуту глоснуть всѣ высшіе принципы и законы нравственности, и одно стоитъ въ умѣ: «жить». Жить во что бы оно не стоило, чѣмъ бы жизнь не была куплена, даже цѣною безнравственныхъ поступковъ.

Потомъ—жажда жизни, дрожаніе за жизнь, боязнь лишиться ее, начинаютъ отходить на задній планъ и въ умѣ начинается возникать раскаяніе въ томъ, что сдѣлалъ въ жизни непоправимую ошибку, попавъ въ условія лишиться жизни. Клянешь себя за крупный, непростительный шагъ, приведшій къ такому жалкому концу. И горько, горько жалѣешь и сознаешь, что этого поправить нельзя.

А какъ было бы хорошо, думаешь, если бы я остался живъ. Я устроилъ бы жизнь на совершенно особыхъ началахъ... При чемъ рисуются въ головѣ широкіе и свѣтлые планы разумной и цѣлесообразной жизни...

Всплываютъ въ головѣ воспоминанія дѣтства, припоминаются ученическіе годы, вспоминаются разныя шалости... И вообще много такого изъ жизни, что за послѣднее время никогда не занимало нашихъ мыслей. Эти мелочи теперь съ настойчивостью и неотвязно

лѣзуть въ голову. Отсюда, отъ воспоминаній мелочей жизни, снова проносятся мечты о разумномъ устройствѣ жизни... Но... все это проносится быстро и скоро...

Незамѣтно для себя планы о будущемъ совершенно исчезаютъ изъ головы и человѣкъ погружается въ *апатическое* состояніе,— состояніе полного безразличія къ своей участи.

Въ головѣ уже нѣтъ мыслей, на душѣ тяжелыхъ думъ, человѣкъ сидитъ или лежитъ, не отдавая отчета въ этомъ. И совершенно безотчетно предается какому либо процессу воспріятія— зрительному, слуховому, общаго чувства, безъ всякой высшей мысли и критики.

Я сидѣлъ на открытомъ мѣстѣ, въ небольшой ямкѣ. Кругомъ рвались снаряды. И я ждалъ— вотъ-вотъ наступитъ моя смерть. Въ эту послѣднюю минуту, когда я ничего не сознавалъ, ни о чемъ не думалъ, я машинально слѣдилъ за муравьемъ, какъ онъ тащилъ маленькую соломинку. Прошелъ онъ... Букашка... и мои глаза слѣдовали за этой букашкой... А вопросы— муравей, зачѣмъ онъ тутъ? Что дѣлаетъ? Зачѣмъ я здѣсь? Не вставали. Я глазами воспринималъ, но головой уже ничего не перерабатывалъ.

Я пришелъ въ себя изъ этого апатического состоянія къ вечеру. Что повліяло на это— не знаю. Должно быть наступившая тишина отъ прекращенія стрѣльбы... Всталъ и пошелъ...

Данныя явленія я назвалъ физиологическимъ примиреніемъ съ опасностью, указывая лишь на то, что подъ воздѣйствіемъ артиллерійскаго огня, какъ несущаго опасность, наступаютъ какія-то физиологическія измѣненія въ организмъ человѣка, подъ вліяніемъ которыхъ инстинктъ самосохраненія какъ бы временно парализуется.

Религіозное примиреніе.

Извѣстно всѣмъ, что идущіе въ бой всегда истово крестятся. Имѣющіе иконки, благословенные образки, крестики, цѣлуютъ ихъ, иногда вывѣшиваютъ снаружи. Люди вѣрующіе, въ этихъ религіозныхъ движеніяхъ, сопровождаемыхъ, конечно, религіознымъ настроеніемъ, ищутъ помощи и защиты.

Извѣстно также всѣмъ, что во время обстрѣла люди набожные, особенно простые люди, истово крестятся при пролетѣ почти каждаго снаряда и повторяютъ молитву: «Господи помилуй».

Религіозно-защитныя движенія, или, какъ называютъ по вну-

треннему содержанію религіозное настроеніе охватываетъ не только лишь набожныхъ, простецовъ вѣры, но распространяется почти на всѣхъ, указывая этимъ на ихъ характеръ, какъ общечеловѣческихъ движеній—«движеній невольныхъ».

Поучительный случай характеризующій «невольный» характеръ защитно-религіозныхъ движеній представляетъ собою слѣдующій эпизодъ, переданный мнѣ однимъ порть-артурцемъ:

Въ Портъ-Артурѣ, на восточномъ фронтѣ, небольшой отрядъ войскъ съ нѣсколькими офицерами подвергся жестокому артиллерійскому огню. Непрiятельскіе снаряды буквально осыпали всю площадь, занимаемую войсками. Была масса убитыхъ. Окопы сравнялись съ землей. Не было, что называется, живого мѣста. Среди отряда войскъ находился офицеръ, по признанію всѣхъ закоренѣлый атеистъ; самъ безбожникъ и большой насмѣшникъ надъ проявленіями религіозности у другихъ, онъ никогда не упускалъ случая поострить и посмѣяться надъ внѣшнимъ проявленіемъ религіознаго чувства, какъ, напримѣръ, поклоновъ, крестнаго знамени, покупки свѣчей и т. п. И что же? Этотъ самый офицеръ-безбожникъ и насмѣшникъ надъ другими подъ обстрѣломъ стоялъ и вмѣстѣ съ другимо *крестился*.

Хотя я, будучи религіознымъ, понималъ его душевное состояніе, ибо и самъ переживалъ тяжелыя минуты, когда сердце усиленно билось; сознавалъ неминуемую опасность; смерть могла наступить ежесекундно. Однако, я не вытерпѣлъ. Помня его всегда хвастливо насмѣшливымъ по отношенію къ людямъ вѣры я не удержался и закричалъ: «ну, что товарищъ, и вы *креститесь*; знать опасность для жизни велика; пора и къ Богу обратиться! Гдѣ ваше безбожіе, которое вы всегда такъ настойчиво проповѣдывали?»

На это онъ отвѣтилъ: «не знаю отчего? Но какое-то *внутреннее чувство, помимо моей воли, толкаетъ меня на это*».

Съ этихъ поръ офицеръ, атеистъ, совершенно измѣнился; онъ сталъ и самъ религіозный и надъ другими никогда больше не смѣялся.

Описаніе защитно-религіозныхъ движеній съ соотвѣтствующимъ религіознымъ настроеніемъ мы находимъ въ статьѣ Артурова: «Передъ боемъ» ⁹⁾.

Что можетъ дѣлать человѣкъ въ минуту опасности, въ минуты ожиданія вѣрной смерти?

⁹⁾ Г. Артуровъ. «На живѣ смерти».

Первый моментъ мысль начинаетъ путаться. Родина, долгъ, трусость наполняютъ разумъ.

Дрожь охватываетъ все существо. Совершенно теряешь способность ясно мыслить. Въ этотъ моментъ кажешься самому себѣ такимъ маленькимъ, беспомощнымъ, жалкимъ существомъ, что окружающіе тебя такіе же люди кажутся богатырями.

Такое состояніе не можетъ продолжаться долго. Человѣкъ, ожидающій подъ снарядами часами смерть, *начинаетъ искать поддержки.* Но гдѣ? Гдѣ ее найти? Въ комъ и въ чемъ? Находятъ *въ религіи, въ молитвѣ.*

Снаряды, пули не шадятъ людей разныхъ религіозныхъ направлений, но *вѣра, молитва облегчаютъ душу, освѣжаютъ мысль,* которая начинаетъ работать въ единеніи съ Богомъ; страшная *напряженность души отпадаетъ.*

Человѣкъ *забываетъ* окружающую *опасность.* И молитва такъ легко, такъ ясно выливается изъ устъ бойца. И невѣрующій становится вѣрующимъ.

Сила молитвы, сила вѣры въ провидѣніе и судьбу не умереть въ нашемъ солдатѣ.

Православный. Посмотрите на этого молящагося, какъ онъ *впился глазами* въ засаленный, потрепанный *молитвенникъ.* Какъ онъ *громко произноситъ слова молитвы,* какъ *они вырываются изъ его груди, сердца, разума.* Обладатель молитвенника счастливецъ. *Къ нему* постепенно прислушиваются, *продвигаются, окружаютъ* его плотнымъ кольцомъ и начинается общее чтеніе съ *широкимъ крестнымъ знаменіемъ.*

Образовалась церковь; теперь имъ станетъ *легче идти въ бой.* Вѣра облегчаетъ мысль о судьбѣ.

Еврей. Вотъ небольшого роста съ черными блуждающими глазами, съ маленькой бородкой *еврей;* быстрыми шагами отдѣлился онъ отъ сосѣдей, торопливо снялъ фуражку; дрожащими руками *подвязалъ ко лбу филактерій* и началъ отыскивать въ своемъ толстомъ молитвенникѣ необходимую ему *молитву, шепча наизусть* начало ея. Нашелъ. *Блѣдныя губы начинаютъ принимать розоватый оттѣнокъ; глаза перестаютъ блуждать.* Дрожь покидаетъ этого человѣка и какъ будто онъ молится не подъ гулъ снарядовъ, а въ синагогѣ, среди своихъ близкихъ, подъ гулъ голосовъ молящихся.

Посль молитвы онъ спокойно поидетъ на вѣрную смерть. Кажда напутствія приотвловена. По его виду, по его улыбка, можно судить о его спокойствіи. Онъ вполнѣ примирился съ судьбой.

Какъ важно, какъ велико это напутствіе! Оно *поднимаетъ, умерщвляетъ трусость.*

Магометанинъ. Неподалеку отъ еврея расположился магометанинъ; онъ *отыскалъ востокъ; поднялъ глаза и полились слова молитвы.* Его молитву, его *поклоны великому Аллаху* ничто не могло смутить и нарушить. *Своему безстрашию* къ рвавшимся вблизи его снарядамъ *онъ обязанъ молитвъ, вѣръ въ вѣчный промысль Божій.*

Католикъ. Матка Боска, Матка Боска! несется (изъ ложбинки) *зычный голосъ* крѣпкаго дѣтины.

Ойче нашъ! вторитъ ему стоящій возлѣ него землякъ. Оба они родомъ изъ Кѣлецкой губ.; съ дѣтства любили бывать въ костелѣ, молиться подъ звуки органа; слушали проповѣди ксендза, а теперъ объединенные общей молитвой они прощаются и посылаютъ послѣднее прости своимъ близкимъ.

Подкрѣпленные молитвой пойдутъ въ бой, ввѣряя участь Тому, кто воленъ въ нашей жизни.

Здѣсь храмъ, мечеть, синагога и костелъ. Здѣсь люди разныхъ религій, разной вѣры соединены одной молитвой къ Богу. Здѣсь *религіозное настроеніе облекаетъ* неизвѣстность *судьбы.*

Господи помилуй! Господи помилуй! проговорило нѣсколько человекъ, осѣняя себя крестомъ, возлѣ которыхъ разорвался снарядъ. Густой дымъ бризантнаго снаряда скрылъ кучку людей.

Атеистъ. Ты бы, нехристь этакій, хоть перекрестился: посмотри, твой неприятель, Нахмудиновъ, давно молится и *молтва его защищаетъ*; сидитъ, сидитъ себѣ подъ снарядами, словно подъ взглядами черноокихъ дѣвицъ!

Эти слова (высмѣвая своего товарища-православнаго) произнесъ *прижавшійся къ стѣнкѣ* оврага солдатъ, выкопавшій себѣ небольшую яму, въ родѣ ниши, въ которой онъ полулежалъ и *при каждомъ разрывѣ дико озирался.*

Прежде чѣмъ отвѣтить этому солдату въ ямѣ, Епашкинъ смѣрилъ его взглядомъ полнымъ презрѣнія и отвѣтилъ:

Ты обо мнѣ, крыса земная, не заботься, трусишка поганый, первый лататы задашь вспять, какъ язычникъ. Самъ не молишься, а о другихъ заботишься. Знаемъ твою заботу... Только другихъ привыкли смущать, надъ другими смѣяться. Словно змѣя высунула жало, да ужалить некого. *Мы вотъ не боимся, вѣримъ въ Бога, вѣримъ въ судьбу*, а ты, тѣфу... окаленный, мразь нечестивая, и разговаривать-то съ тобой христіанину противно и богобоязненно... На эти слова изъ ямы не послѣдовало возраженій.

Оврагъ еще больше стали засыпать снарядами... Но людямъ теперь не такъ страшно.

Молитва и вѣра подкрѣпила ихъ бодрость, ихъ духъ... Сыпь, сыпь... говорили солдаты, снарядъ виновнаго найдеть!

Кого подъ словомъ «виновнаго» солдаты подразумѣвали—тѣхъ ли кто не молился или кто не вѣритъ въ судьбу?

И невѣрующихъ-то Богъ хранить, произнесъ солдатъ, потому что вѣрующіе здѣсь!

Кулобку давно бы надо разорвать снарядомъ! Счастливъ его Богъ, сидитъ съ вѣрующимъ!

Какъ извѣстно, большинство въ бою теряютъ самообладаніе, но въ послѣднія минуты мысль вѣрующаго наполнена вопросомъ о вѣчности. Обычно въ это время невѣрующей или слабовѣрующей становится вѣрующимъ.

Для *невѣрующаго* вопросъ вѣчности отсутствуетъ. *Душа его изнемогаетъ подъ тяжестью невѣрія*, ищетъ разгадки вѣчности. *Тяжело такому человѣку въ бою...*

Правда, невѣрующихъ или слабовѣрующихъ очень мало. Этихъ людей называютъ безпризорными...

Изъ описанія религіозныхъ движеній съ соответствующимъ религіознымъ настроеніемъ вытекаетъ, что наилучшимъ примиряющимъ человѣка съ опасностью средствомъ является живая вѣра—религія, соединенная съ животворной молитвой.

Какъ видно, также изъ приведенныхъ фактовъ—вѣра человѣка, его потребность въ молитвѣ, признаніе высшаго начала не есть нѣчто навѣянное, чуждое человѣку, нѣтъ.

Вѣра человѣка, религіозная потребность людей, коренится въ глубинѣ человѣческаго духа. И если эта религіозная потребность въ мирное время заглушается, то въ военное, въ боевое время, во время острой опасности, вѣра человѣка, очистившись отъ наслоений, ярко проявляется; горитъ живительнымъ огнемъ и примиряетъ человѣка со всѣми невзгодами и даже съ самой смертью.

Вѣра присуща всякому человѣку. Коренится она во внутреннихъ потребностяхъ человѣческаго духа (въ инстинктахъ). Въ сферѣ опасности всѣ люди религіозны.

Д-ръ Т. Б. Шумковъ.

